

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 39

Эволюция румынско-советских отношений (1953-1961)

¹ Бажора Анатолие Тудор,

² Дудниченко Николае Ион,

³ Константинов Богдан-Тудор Паул-Рэзван,

¹ Чжэцзянский научно-технический университет, Китай,

² Национальный музей этнографии и естественной истории Молдовы, Республика Молдова,

³ Христианский университет «Димитрий Кантемир», Румыния

Аннотация: период 1953-1961 годов отмечен значительными идеологическими изменениями, инициированными политикой десталинизации Никиты Хрущёва, которые оказали глубокое влияние на отношения между Советским Союзом и его сателлитами в Восточной Европе, включая Румынию. После смерти Сталина руководство Бухареста стремилось воспользоваться внутривластной борьбой за власть в Кремле, укрепляя свои позиции и проводя политику, основанную на национальных интересах. Заметным ранним успехом этой стратегии стал вывод советских войск из Румынии в 1958 году. Однако это достижение не положило конец советскому давлению. В статье анализируется, как румынское руководство справлялось с этими геополитическими вызовами, пытаясь сбалансировать необходимость поддерживать отношения с Москвой с желанием защитить и продвигать национальные интересы.

Ключевые слова Румыния, Советский Союз, десталинизация, Восточный блок, Холодная война

Для цитирования: Бажора Анатолие Тудор, Дудниченко Николае Ион, Константинов Богдан-Тудор Паул-Рэзван Эволюция румынско-советских отношений (1953-1961) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 5. С. 231 – 240.

Поступила в редакцию: 22 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 мая, 2025 г.; Принята к публикации: 1 июля 2025 г.

The evolution of Romanian-Soviet relations (1953-1961)

¹ Bazhora Anatolie Tudor,

² Dudnichenko Nicolae Ion,

³ Konstantinov Bogdan-Tudor Paul-Rezvan,

¹ Zhejiang University of Science and Technology, China,

² National Museum of Ethnography and Natural History of Moldova, Republic of Moldova,

³ Demetrius Cantemir Christian University, Romania

Abstract: the period 1953-1961 was marked by significant ideological changes initiated by Nikita Khrushchev's de-Stalinization policy, which had a profound impact on relations between the Soviet Union and its satellites in Eastern Europe, including Romania. After Stalin's death, Bucharest's leadership sought to take advantage of the internal political struggle for power in the Kremlin, strengthening its positions and pursuing a policy based on national interests. A notable early success of this strategy was the withdrawal of Soviet troops from Romania in 1958. However, this achievement did not put an end to Soviet pressure. The article analyzes how the

Romanian leadership dealt with these geopolitical challenges, trying to balance the need to maintain relations with Moscow with the desire to protect and promote national interests.

Keywords Romania, Soviet Union, de-Stalinization, Eastern Bloc, Cold War

For citation: Bazhora Anatolie Tudor, Dudnichenko Nicolae Ion, Konstantinov Bogdan-Tudor Paul-Rezvan *The evolution of Romanian-Soviet relations (1953-1961). Historical Bulletin. 2025. 8 (5). P. 231 – 240.*

The article was submitted: March 22, 2025; Approved after reviewing: May 18, 2025; Accepted for publication: July 1, 2025.

Введение

В послевоенный период геополитические и идеологические трансформации, которые изменили облик Восточной Европы, оказали значительное влияние на румынско-советские отношения. С 23 августа 1944 года до начала 1960-х годов эти отношения проходили сложные фазы эволюции, отмеченные подчинением и попытками бухарестского руководства утвердить себя. Напряженный международный контекст, обусловленный динамикой холодной войны, также влиял на эти отношения.

Смерть Сталина в марте 1953 года ознаменовала начало периода перехода и неопределенности в Восточном блоке, приведя к значительным изменениям во внутренней и внешней политике стран-сателлитов, включая Румынию. Этот период характеризовался переоценкой властных отношений внутри Советского Союза и в его отношениях с подвластными государствами. В Румынии культ личности Сталина постепенно сменился националистической ориентацией под руководством Георге Георгиу-Дежа, который стремился маневрировать между сталинским наследием и необходимостью утверждения особой национальной идентичности в контексте новых геополитических реалий [1, с. 58]. В течение 1954-1955 годов внутрисоюзные события в Советском Союзе, отмеченные борьбой за власть после смерти Сталина, предоставили Румынии возможность переосмыслить свое положение в социалистическом лагере. Приход к власти Никиты Хрущёва и его политика десталинизации привнесли новую динамику в румынско-советские отношения. Румыния под руководством Георгиу-Дежа начала искать способы укрепления своей автономии от Москвы, пользуясь международным контекстом и изменениями внутри Советского Союза для подтверждения национального суверенитета [2, с. 103]. По мере того как 1950-е годы подходили к концу и начиналось шестое десятилетие, румынско-советские отношения вошли в новую фазу, характеризующуюся растущими расхождениями и попытками Румынии

обеспечить более широкий маневр во внутренней и внешней политике. Открытая критика культа личности Сталина и подтверждение национальной независимости перед лицом советского давления ознаменовали начало периода растущей напряженности между Бухарестом и Москвой. Экономическая интеграция в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) стала еще одной областью разногласий между Румынией и Советским Союзом. Усилия Москвы по навязыванию экономической специализации между странами-членами, которые ограничили бы экономическую автономию Румынии, встретили сопротивление румынских лидеров. Эта оппозиция подчеркивала стремление Румынии сохранить экономическую независимость и следовать пути развития, соответствующему ее собственным национальным интересам, вопреки советским директивам [3, с. 204].

Материалы и методы исследований

Первые признаки перемен

Смерть Сталина произошла в то время, когда Румыния была глубоко интегрирована в сферу советского влияния, достигнув пикового уровня зависимости от СССР. В этом контексте фигура Сталина была вездесущей, считавшейся своего рода сверх-сущностью, а высшее образование в Румынии доминировало изучение истории КПСС, основанное на «Кратком курсе», подписанном Сталиным. Академики и члены Академии Народной Республики Румынии руководствовались трудами и директивами Сталина, а политическая пропаганда была исключительно направлена на его прославление. Главные улицы румынских городов носили его имя, а его статуи были центральными точками в Бухаресте и многих других городах, при этом Брашов даже был переименован в город Сталина. В публичных собраниях было принято слышать лозунги, прославляющие «свободу, принесенную Сталиным и русским народом» [4, с. 67].

Однако после смерти Сталина румыны недолго его оплакивали. Увековечение памяти Сталина официально обсуждалось только на одном заседании Политбюро 12 марта 1953 года, которое

было преимущественно пропагандистским по характеру, предназначенным для «демонстрации уважения и почтения» к Сталину [5, с. 44].

Смерть Сталина создала вакуум власти в Москве, в рамках которого румынский коммунистический лидер Георге Георгиу-Деж стремился еще больше укрепить свое влияние. Во время дискуссий в Политбюро Румынской коммунистической партии все больше подчеркивался критический вопрос отношений с советскими советниками. Эти советники имели различные каналы, через которые они получали конфиденциальную информацию, влияя на решения Москвы относительно румынских коммунистических лидеров. В этом контексте Деж попытался установить более строгий контроль над этими советниками, избегая личных инициатив активистов, которые не были одобрены Политбюро. Таким образом, Деж стремился обеспечить монополию или, по крайней мере, строгий контроль над отношениями с Советским Союзом [6, с. 55]. Руководство Румынии также начало пересматривать свою экономическую стратегию, постепенно демонтируя совместные румынско-советские предприятия, известные как совромы. Значительным решением стала передача собственности восьми совромов румынскому государству, включая выкуп румынским правительством советской доли. Эти предприятия включали Совром-металл-Решица, Совромхим-Учея, Совромтрактор-Брашов, Совромлемн, Совромкарбуне, Совромгаз, Совромбанк и Совромконструкций, что ознаменовало критический этап в восстановлении экономического контроля из советских рук [7, с. 3].

До подписания формальных соглашений румынское правительство поручило соответствующим министерствам подготовить реорганизацию этих совромов и назначить персонал для руководящих должностей. Совромкарбуне был среди первых, намеченных для роспуска, при этом советские инженеры получили приказы в марте 1953 года передать свои функции румынским делегатам. Однако Г.М. Маленков, новый советский лидер, имел другие экономические взгляды, принимая политику «нового направления», которая включала перенаправление ресурсов в сторону производства потребительских товаров и менее ограничительную политику по отношению к крестьянству. Следовательно, руководство в Бухаресте также было вынуждено изменить темп, замедлив кампанию коллективизации [8, с. 123]. На заседании СЭВ в Москве в марте 1953 года советские представители подчеркнули разрыв

между сельскохозяйственным производством Румынии и ее ускоренным темпом промышленного развития, подчеркивая зависимость румынской экономики от советской помощи [9, с. 71]. В июле 1953 года руководство Румынской рабочей партии (РРП) вновь было вызвано в Москву для критических дискуссий об экономической политике Румынии. В контексте недавних беспорядков в Германской Демократической Республике и Польше советские лидеры, включая Маленкова, Молотова, Хрущёва и Микояна, выразили серьезную обеспокоенность экономической ситуацией и моральным состоянием населения в Румынии. Их главной заботой была нехватка продовольствия и зерна, которая могла вызвать недовольство в городах и восстания в сельской местности, угрожая стабильности режима [10, с. 98].

На этой встрече Москва частично признала свою ответственность за экономические трудности Румынии, признав, что она поощряла чрезмерные финансовые ассигнования на такие проекты, как канал Дунай-Черное море, увеличенные военные расходы и непропорциональное развитие тяжелой промышленности. Тем не менее, советские лидеры выступили с жесткой критикой экономической политики Румынии, которую Маленков описал как «ошибочную, неграмотную и опасную политику», призывая к «тщательному изменению экономической политики» румынским руководством [10, с. 101]. Неохота использовать термин «новый курс» в СМИ и, в частности, использование съезда лидеров колхозов 20-23 мая 1953 года в качестве отправной точки для новой экономической политики, а не московских встреч 8-13 июля, отражает обеспокоенность руководства в Бухаресте поддержанием видимости суверенитета в отношениях с Москвой.

Результаты и обсуждения

Между выживанием и возможностью

В ходе 1954 года позиция Маленкова становилась все более шаткой, в конечном счете заставив его уступить пост главы правительства Н.А. Булганину (февраль 1955). Однако истинным лидером стал Никита Хрущёв, который начал новую серию реформ под знаменем борьбы с последствиями культа личности Сталина [11]. Привыкшие подражать изменениям и перспективам из Москвы, страны-сателлиты приступили к десталинизации после 1955 года. Фракционеры и антипартийные элементы были выявлены, а где их нельзя было найти, их изобретали и, в большинстве случаев, удаляли с политической сцены. Введение реформ в Москве приравнялось к попыткам реформ в странах-

сателлитах. Эта оттепель была встречена везде с искренним энтузиазмом или подчинением; единственными государствами, которые позволили себе некоторые оговорки, были Китай и, позднее, Албания [12, с. 17]. Лидер РПП Деж также довольно скептически относился к новой доктринальной ориентации СССР в международных отношениях, мирному сосуществованию, мирному сотрудничеству между Востоком и Западом, примирению с Югославией и процессу внутренней десталинизации. Однако, чтобы попытаться завоевать симпатии Хрущёва, Георгиу-Деж в своей речи 1 марта 1955 года подчеркнул рекордные урожаи, полученные на полях квадратной посадки по сравнению с классическими методами посева прямыми рядами [13, с. 99].

После вывода советских войск из Австрии весной 1955 года и всего через три месяца после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в Варшаве (14 мая 1955) Деж поручил Эмилю Боднарашу обсудить с Хрущёвым возможный вывод советских войск из Румынии (август 1955). Лидер Кремля был застигнут врасплох и дал резко отрицательную реакцию в тот момент. Позднее Хрущёв изменил свое мнение и пересмотрел свое решение: «В следующие полтора года я продолжал думать о словах товарища Боднараша. Особенно после разговора с товарищем Дежем... Я принял его слова близко к сердцу» [14, с. 67].

На XX съезде КПСС (14-25 февраля 1956) Хрущёв не только укрепил свои позиции; он запустил процесс десталинизации, который включал реабилитацию жертв сталинских репрессий, восстановление ленинских норм партийной жизни (коллективное руководство, демократический централизм, укрепление связей с массами), снижение репрессивного характера режима и установление народной законности, создание более справедливых отношений между социалистическими странами и ослабление напряженности с Западом [15, с. 231]. Георгиу-Деж встретил атаку Хрущёва на Сталина с неохотой. Первоначальное удивление вскоре сменилось обеспокоенностью по поводу негативных последствий, которые «секретный» доклад будет иметь внутри страны и в международном коммунистическом движении. Различные проблемы возникли в Румынии относительно как внутренних споров, так и подхода к реабилитации. Для Дежа критическим моментом стала конфронтация в Политбюро с Иосифом Кишиневским и Мирном Константинеску в начале апреля 1956 года.

Попытка двух претендентов изобразить партийного лидера как местного Сталина, следуя типологии обвинений Хрущёва против бывшего советского лидера, представляла серьезный вызов для Дежа [16, с. 39].

Особой навязчивой идеей Георгиу-Дежа было убеждение, что в 1956 году Иосиф Кишиневский действовал под руководством некоторых советских государственных органов, вероятно КГБ. Насколько это было правдой, могли бы подтвердить только будущий доступ к архивам Российской Федерации.

Режим Дежа оказался достаточно сильным, чтобы справиться с возникающими проблемами, и в последний день апрельской сессии 1956 года Деж имел длительное выступление, в котором он более строго представил свою позицию по вопросу культа личности [16, с. 47]. Согласно Георгиу-Дежу, культ личности в РПП возник и развивался с возвращением из Москвы в 1944 году Аны Паукер и Василе Луки. Хотя у них не было организационного опыта, они, при поддержке Теохари Георгеску, практически захватили партийное руководство, опираясь на свое большинство в Секретариате ЦК. В своих действиях, нарушающих ленинские нормы партийной жизни и продвигающих культ личности, их поддерживали в течение некоторого времени даже те, кто теперь представлял себя как знаменосцы десталинизации, Иосиф Кишиневский и Мирон Константинеску [16, с. 49].

Потерпев поражение на сессии Политбюро в апреле 1956 года, Мирон Константинеску и Иосиф Кишиневский не искали союзников среди обычных членов партии, тем более в общественном мнении. Наоборот, они объединили силы с другими членами руководства, чтобы обеспечить, что реализация мер десталинизации не приведет к отклонениям на партийном и общественном уровне. Начало Венгерской революции положило конец тенденциям либерализации в Румынии. Деж преследовал единственную цель: сохранение своих позиций, угрожая Венгерской революцией (1956) и намерениями Хрущёва его сместить. Поэтому он предложил Москве все свои заверения в лояльности и полной поддержке советского военного вмешательства в Венгрии, также реализуя неотложные меры десталинизации, особенно в экономической сфере, для смягчения общественного недовольства. Сближение интересов с Хрущёвым привело Дежа к роли покорного лейтенанта в 1956 году, став самым лояльным союзником Хрущёва. Вероятно, падение Имре Надя стало спасением Дежа [17, с. 104].

События в Венгрии показали Георгиу-Дежу, что свержение режимов не было необратимым. Чтобы избежать ситуации, подобной венгерской, где внутреннее политическое разложение и внешнее вмешательство Москвы объединились, приведя к смене режима, Деж реализовал долгосрочную стратегию, основными целями которой были обеспечение внутренней стабильности, политически и экономически, и достижение суверенитета в принятии решений в отношениях с Москвой. После устранения Иосифа Кишиневского и Мирона КонстантINESКУ из Политбюро на пленуме 28 июня – 3 июля 1957 года никто на вершине партии не оспаривал его лидерских позиций. Единство и однородность руководящей команды укрепились [18, с. 44].

Отношения с Москвой играли важную роль в установлении общей линии, даже если в плане мгновенной тактики внутривластительский фактор имел относительную свободу принятия решений. На международном уровне Румыния выравнивалась с директивами советской внешней политики, позволив нормализацию отношений с Тито и иницируя первые шаги к возобновлению дипломатических отношений с западными странами [19, с. 61].

Некоторое дистанцирование от московского образца проявилось только после 1957 года, но это был скорее возврат к политике сталинского типа, что озадачивало даже внутри коммунистического блока, но не требовало прямого вмешательства Москвы. В 1957 году сам Хрущёв едва не был смещен в результате неожиданного наступления, начатого группой Маленков-Молотов-Каганович («антипартийная группа», как она была названа после поражения), и Георгиу-Деж умело использовал нестабильную ситуацию в Москве для устранения своих соперников, получения политических уступок от Москвы (начало вывода советских советников в феврале 1957) и экономических уступок (выгодные кредиты, зерновые займы во время кризисов и поставки сырья для будущего металлургического завода в Галаце). Была также некоторая внутренняя свобода движения путем принятия отмены системы обязательных квот в начале 1957 года [20, с. 3].

Первоначальным шагом было выведение советских войск из страны, и для этого Бухарест эффективно использовал доверие, завоеванное в глазах Кремля. Хрущёв стремился убедить Запад, что режимы народных демократий не были результатом военной оккупации СССР и что вмешательство советских танков в Будапеште было несчастным случаем. Вопрос о выводе

советских войск впервые был поднят в августе 1955 года во время румынско-советской встречи. В то время он был полностью против, и вопрос больше не поднимался, Румыния отступила. Только в 1958 году инициатива вновь пришла, но от Советов. Они предложили, чтобы румынская сторона подняла этот вопрос. Вывод был пацифистским жестом для Советов, обращенным ко всему миру и стоящим очень мало, кроме как в пропагандистском контексте. Была также финансовая причина: содержание войск было очень дорогостоящим для Советов. Таким образом, были экономические и геостратегические преимущества, поскольку Румыния была практически окружена коммунистическими государствами [21, лс. 42-57].

Таким образом, в 1958 году, после 14 лет оккупации, советская армия наконец покинула румынскую территорию, к восторгу всех трудящихся и партии. По этому поводу Хрущёв произнес речь, сказав: «В настоящее время ситуация радикально изменилась; мирная политика социалистических стран сделала возможным определенное ослабление международной напряженности. Румыния достигла больших успехов в социалистическом строительстве и укреплении народной демократии. Теперь у нее есть надежные вооруженные силы, способные отвечать на империалистические провокации, защищать социалистические завоевания румынского народа и способствовать делу защиты общих интересов социалистического лагеря. Поэтому, по нашему мнению, размещение советских войск на территории Народной Республики Румынии больше не является необходимым» [22, сс. 273-274].

Начало политизации разногласий

После вывода советских войск из Румынии руководство в Бухаресте стало смелее в своих действиях, и старые разногласия между румынами и Советами начали всплывать на поверхность.

В возможной попытке смягчить националистические настроения бухарестского руководства Москва возобновила дискуссии по старым территориальным вопросам, особенно касающимся Бессарабии. На IX Всегерманской рабочей конференции, состоявшейся в Лейпциге 7 марта 1959 года, Н. Хрущёв, затрагивая вопрос границ, подчеркнул специфический характер бессарабской проблемы в советско-румынских отношениях [23, лс. 8-9]. В попытке оправдать советскую оккупацию Бессарабии он заявил: «Известно, что часть нынешней территории Молдавской Советской Социалистической Республики была аннексирована королем

Румынии и позднее реинтегрирована в советскую территорию. Однако нет пограничной проблемы между Советским Союзом и Народной Республикой Румынией, поскольку обе страны являются социалистическими государствами, руководствующимися общими интересами и преследующими одну цель – коммунизм» [24, с. 97]. Румыны подвергли цензуре это заявление, что стало первым случаем цензурирования речи советского лидера. Более тонко Хрущёв также затронул бессарабский вопрос в своей речи на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Бухаресте в июле 1960 года. Хрущёв был осведомлен о недовольстве румын, и ни одна из стран социалистического лагеря открыто не отреагировала на эти заявления Хрущёва по пограничному вопросу. Тем не менее, лидер Кремля отметил особую позицию Румынии среди других социалистических стран. В своих мемуарах Хрущёв записывает, что он послал следующее сообщение румынскому руководству: «Даже если мы вам не нравимся, факт в том, что история сделала нас соседями, и вы находитесь рядом с нами. Оглядываясь назад на период румынской монархии, очень удивительно обнаружить, что ваша страна проводила недружественную политику по отношению к Советскому Союзу; но теперь, когда Румыния является социалистической страной, больше нет причин, почему у нас не должно быть братских отношений» [25, с. 25].

Несмотря на эти напряжения, политически и идеологически румынско-советские отношения казались очень прочными, особенно очевидными в контексте китайско-советских дебатов, где румынские власти твердо встали на сторону Кремля. Эта поддержка была частично ценой, заплаченной за советскую экономическую помощь в реализации плана индустриализации страны, завершённого румынским руководством в июле 1960 года [26]. После 1960 года, однако, румынско-советские отношения начали ухудшаться из-за настойчивости Советов в превращении СЭВ в наднациональную экономическую организацию, где север (Восточная Германия и Чехословакия) производил бы промышленные товары, а юг (Румыния, Болгария) поставлял бы сырьё и сельскохозяйственную продукцию [27, с. 121].

Экономические разногласия внутри СЭВ между индустриализованными социалистическими государствами и теми, которые имели преимущественно аграрную экономику, начали появляться уже в 1950-х годах. В этом контексте Чехословакия и Германская Демократическая

Республика продвигали идею усиленной экономической специализации среди коммунистических наций. Их цель заключалась в обмене промышленной продукции, которую они производили, на сырьё и продовольствие, предпочтительно по мировым рыночным ценам [27, с. 124]. Новое правительство во главе с Ионом Г. Маурером при поддержке Георгиу-Дежа начало ориентироваться на экономическое открытие к Западу. Это направление было нацелено на укрепление экономики страны, признавая, что нация со слабой экономикой не могла противостоять великой державе. Вариант Румынии противостоять тенденциям интеграции и экономической специализации, продвигаемым СЭВ, и ее интерес к расширению сотрудничества с Западом не формулировались как прямая оппозиция против СССР или других государств коммунистического блока. Румыны оставались открытыми для сотрудничества с партнерами по СЭВ, при условии, что оно основывалось на справедливости и взаимном уважении. Во внешней политике Румынии национальные интересы начали превалировать над блоковой солидарностью [28, с. 3]. В Москве, однако, тенденция была прямо противоположной. Китайский вызов и экономические успехи западных стран сделали необходимым, с точки зрения советского руководства, сплотить ряды внутри социалистического сообщества. В результате отношения Румынии с Китаем также вошли в тень в течение 1960-1961 годов из-за советского давления и интереса Румынии к отношениям с Западом [29, с. 287].

Власти в Бухаресте сопротивлялись давлению из Праги и Берлина в конце 1950-х годов по экономической интеграции и специализации промышленности стран-членов СЭВ, пользуясь тем фактом, что Москва по причинам баланса избегала вмешательства в ссору между «малыми» странами. Однако к 1960 году Советский Союз начал отказываться от своей нейтральной позиции: тенденция к централизации и экономической интеграции деятельности СЭВ лучше служила его претензиям на опекунскую власть, значительно сокращая экономическую поддержку менее развитым социалистическим государствам Восточной Европы.

С декабря 1960 года дискуссии и публичные обвинения внутри СЭВ усилились, румынские коммунисты открыли новый раунд дебатов о советской экономической помощи и экономическом сотрудничестве между социалистическими странами. Они нацелились на советский отказ предоставить дальнейшие

кредиты для румынской промышленности и недостатки экономической специализации между социалистическими экономиками. Цель состояла в том, чтобы остановить программы индустриализации аграрных стран, таких как Румыния и Болгария. Это было ясно видно на румынско-советской встрече в мае-июне 1961 года, где существовало много расходящихся мнений, одним из главных вопросов было строительство металлургического завода в Галаце румынами [30, с. 12]. В 1961 году румынско-советские отношения находились в поворотной точке, знаменуя переход от периода сходящихся интересов к периоду, когда новые интересы Бухареста противоречили интересам Москвы. Этот сдвиг ознаменовал начало напряженных отношений между двумя государствами, поскольку Румыния начала ощущать ограничения своих подчиненных отношений с Москвой и стремилась определить свои собственные интересы, особенно в экономической сфере и внешней политике.

Двусторонние дискуссии между двумя сторонами, состоявшиеся в Москве с 25 мая по 6 июня 1961 года, по основным направлениям экономического развития Румынии и румынско-советского экономического сотрудничества до 1980 года, подчеркнули различия между двумя сторонами. Хотя общие точки были найдены в некоторых областях, таких как нефтяная промышленность и технико-научное сотрудничество, различающиеся позиции по экономической специализации и роли Румынии в СЭВ оставались спорными. В конечном счете, советские предложения по специализации румынской промышленности были отклонены румынской стороной, которая хотела развивать полную отечественную промышленность, способную поддержать экономическую автономию страны [31, с. 21].

В то же время развитие тяжелой промышленности в Румынии продолжалось, поскольку это направление рассматривалось румынским руководством как ключ к экономической и политической независимости. Массивные инвестиции в крупномасштабные промышленные проекты, такие как металлургический завод в Галаце, подчеркивали эту решимость построить сильную и диверсифицированную национальную экономику, способную поддержать более высокую степень независимости от советского влияния [32, с. 31].

Выводы

Период с 1953 по 1961 год ознаменовал значительный сдвиг в румынско-советских отношениях, подчеркивая переход от строгого подчинения Кремлю в сталинскую эпоху к постепенной переоценке этих отношений. Приход к власти Никиты Хрущёва и его политика десталинизации привели к изменению динамики между Москвой и её государствами-сателлитами, включая Румынию. Режим Дежа начал более энергично утверждать свою автономию, стремясь использовать новые геополитические возможности для переговоров о большей маневренности. Критика сталинизма и культа личности на XX съезде КПСС была встречена с опаской румынским руководством, поскольку Деж опасался, что Москва может его заменить. Этот страх был несколько смягчен началом Венгерской революции, которая в конечном счете спасла Дежа от потенциального смещения. Хотя Румыния официально приняла московскую линию по десталинизации, на практике Георгиу-Деж использовал возможность для укрепления своей внутренней власти и продвижения формы социалистического национализма. Политика Хрущёва «мирного сосуществования», направленная на снижение напряженности между Востоком и Западом и предотвращение прямого ядерного конфликта, позволила Румынии вступить в ООН и диверсифицировать свои международные отношения. Это завершилось выводом советских войск в 1958 году, отражая стремления Бухареста к независимости и суверенитету во внешней политике.

Аббревиатуры

ANIC – Arhivele Naționale Istorice Centrale [Romanian National Archives]

AMAE – Arhivele Ministerului Afacerilor Externe [Archives of the Ministry of Foreign Affairs]

AMR – Arhivele Militare Române [Romanian Military Archives]

CC al PCR – Comitetul Central al Partidului Comunist Român [Central Committee of the Romanian Communist Party]

PMR – Partidul Muncitoresc Român [RWP – Romanian Workers' Party] CPSU – Communist Party of the Soviet Union

SOVROM – Societăți Mixte Româno-Sovietice [Mixed Romanian-Soviet Economical Societies]

CMEA – Council for Mutual Economic Assistance

Список источников

1. Banu F., Țăranu L. April 1964: "Bucharest Spring" how was Romania's "Declaration of Independence" adopted? Bucharest: Encyclopedic Publishing House, 2004. P. 58.
2. Bălan I. Collectivization in the Bucharest region: 1950-1962. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 103, 123.
3. Duțu A. Romania. Political life in documents. 1950. Bucharest: ANR, 2002. P. 204.
4. Duțu A. Romania. Political life in documents. 1950. Bucharest: ANR, 2002. P. 67.
5. Moraru C. Stenograms of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. V. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 44, 71.
6. Moraru C. Stenograms of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. IV (part 2). Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2007. P. 55, 61.
7. Central Historical National Archives. File no. 20. Fund CC of PMR Chancellery. 1953. F. 3.
8. Bălan I. Collectivization in the Bucharest region: 1950-1962. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 123.
9. Moraru C. Stenograms of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. V. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 71.
10. Cătănuș D., Roske O. Collectivization of agriculture in Romania. The political dimension 1953-1956. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2005. P. 98, 101.
11. Scânteia. December 11, 1961.
12. Granville J. If Hope Is Sin Then We Are All Guilty // Carl Beck Papers in Russian & East European Studies. 2008. April. P. 17.
13. Cătănuș D. Destalinization in the Romanian version. The case of Miron Constantinescu – Iosif Chișinevschi 1956-1961 // Archives of Totalitarianism. 1999. No. 3-4. P. 99, 104.
14. Sfetcu P. 13 years in Dej's antechamber. Bucharest: Romanian Cultural Foundation, 2001. P. 67.
15. Talbott S. Khrushchev Remembers. Boston: Little, Brown and Company, 1974. P. 231.
16. Cătănuș D. The second destalinization: Gheorghe Gheorghiu-Dej at the apex of power. Bucharest: Vremea, 2005. P. 39, 47, 49.
17. Cătănuș, D. Destalinization in the Romanian version. The case of Miron Constantinescu – Iosif Chișinevschi 1956-1961 // Archives of Totalitarianism. 1999. No. 3-4. P. 104.
18. Central Historical National Archives. File no. 12. Fund CC of PMR Chancellery. 1961. F. 44.
19. Moraru C. Stenograms of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. IV (part 2). Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2007. P. 61.
20. Central Historical National Archives. File no. 49. External Relations, Fund CC of PMR. 1959. F. 3.
21. Central Historical National Archives. File no. 52. Fund CC of PMR Chancellery. 1961. Ff. 42 – 57.
22. Scurtu I., Chirițoiu M. Romania Withdrawal of Soviet Troops. 1958 // History and Public Policy Program Digital Archive. 1996. P. 273 – 274.
23. Central Historical National Archives. File no. 49. External Relations, Fund CC of PMR. 1959. Ff. 8-9.
24. Central Historical National Archives. File no. 49. External Relations, Fund CC of PMR. 1959. F. 97.
25. Preda G., Opriș P. Romania in the Warsaw Treaty Organization (1954-1968). Vol. 2. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2008-2009. P. 25.
26. Ionescu Firica O. Romania's role in the Hungarian Revolution of 1956 // Memories from Communism. 2016. October 23.
27. Montias J.M. Economic Development in Communist Romania. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 121, 124.
28. Braham R.L. Romania: Onto the Separate Path // Problems of Communism. 1964. No. 3. P. 3.
29. Georgescu V. History of Romanians from origins to the present day. Los Angeles: ARA Publications, 1989. P. 287.
30. Archives of the Ministry of Foreign Affairs. File no. 220. Fund USSR 1481111-12. 1961. F. 12.
31. Archives of the Ministry of Foreign Affairs. File no. 234. Fund USSR 1481111-12. 1961. F. 21.
32. Archives of the Ministry of Foreign Affairs. File no. 243. Fund USSR 1481111-12. 1961. F. 31.

References

1. Banu F., Țăranu L. April 1964: "Bucharest Spring" how was Romania's "Declaration of Independence" adopted? Bucharest: Encyclopedic Publishing House, 2004. P. 58.
2. Bălan I. Collectivization in the Bucharest region: 1950-1962. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 103, 123.
3. Duțu A. Romania. Political life in documents. 1950. Bucharest: ANR, 2002. P. 204.
4. Duțu A. Romania. Political life in documents. 1950. Bucharest: ANR, 2002. P. 67.
5. Moraru C. Transcripts of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. V. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 44, 71.
6. Moraru C. Transcripts of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. IV (part 2). Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2007. P. 55, 61.
7. Central Historical National Archives. File no. 20. Fund CC of PMR Chancellery. 1953. F. 3.
8. Bălan I. Collectivization in the Bucharest region: 1950-1962. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 123.
9. Moraru C. Transcripts of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. V. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2012. P. 71.
10. Cătănuș D., Roske O. Collectivization of agriculture in Romania. The political dimension 1953-1956. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2005. P. 98, 101.
11. Scânteia. December 11, 1961.
12. Granville J. If Hope Is Sin Then We Are All Guilty. Carl Beck Papers in Russian & East European Studies. 2008. April. P. 17.
13. Cătănuș D. Destalinization in the Romanian version. The case of Miron Constantinescu – Iosif Chișinevschi 1956-1961. Archives of Totalitarianism. 1999. No. 3-4. P. 99, 104.
14. Sfetcu P. 13 years in Dej's antechamber. Bucharest: Romanian Cultural Foundation, 2001. P. 67.
15. Talbott S. Khrushchev Remembers. Boston: Little, Brown and Company, 1974. P. 231.
16. Cătănuș D. The second destalinization: Gheorghe Gheorghiu-Dej at the apex of power. Bucharest: Vremea, 2005. P. 39, 47, 49.
17. Cătănuș, D. Destalinization in the Romanian version. The case of Miron Constantinescu – Iosif Chișinevschi 1956-1961. Archives of Totalitarianism. 1999. No. 3-4. P. 104.
18. Central Historical National Archives. File no. 12. Fund CC of PMR Chancellery. 1961. F. 44.
19. Moraru C. Transcripts of the meetings of the Political Bureau and the Secretariat of the Central Committee of PMR. Vol. IV (part 2). Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2007. P. 61.
20. Central Historical National Archives. File no. 49. External Relations, Fund CC of PMR. 1959. F. 3.
21. Central Historical National Archives. File no. 52. Fund CC of PMR Chancellery. 1961. Ff. 42 – 57.
22. Scurtu I. Romania Withdrawal of Soviet Troops. 1958. M. Chirițoiu. History and Public Policy Program Digital Archive. 1996. P. 273 – 274.
23. Central Historical National Archives. File no. 49. External Relations, Fund CC of PMR. 1959. Ff. 8-9.
24. Central Historical National Archives. File no. 49. External Relations, Fund CC of PMR. 1959. F. 97.
25. Preda G., Opriș P. Romania in the Warsaw Treaty Organization (1954-1968). Vol. 2. Bucharest: National Institute for the Study of Totalitarianism, 2008-2009. P. 25.
26. Ionescu Firica O. Romania's role in the Hungarian Revolution of 1956. Memories from Communism. 2016. October 23.
27. Montias J.M. Economic Development in Communist Romania. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 121, 124.
28. Braham R.L. Romania: Onto the Separate Path. Problems of Communism. 1964. No. 3. P. 3.
29. Georgescu V. History of Romanians from origins to the present day. Los Angeles: ARA Publications, 1989. P. 287.
30. Archives of the Ministry of Foreign Affairs. File no. 220. Fund USSR 1481111-12. 1961. F. 12.
31. Archives of the Ministry of Foreign Affairs. File no. 234. Fund USSR 1481111-12. 1961. F. 21.
32. Archives of the Ministry of Foreign Affairs. File no. 243. Fund USSR 1481111-12. 1961. F. 31.

Информация об авторах

Бажора Анатолие Тудор, доктор исторических наук, лектор, Чжэцзянский научно-технический университет, Китай, anatoljus83@yahoo.com

Дудниченко Николае Ион, доктор исторических наук, научный работник, Национальный музей этнографии и естественной истории Молдовы, Республика Молдова, nicudud@yahoo.com

Константинов Богдан-Тудор Паул-Рэзван, исследователь второй степени в юридических науках, Христианский университет «Димитрий Кантемир», Румыния, bogdan.constantinov@gmail.com

© Бажора Анатолие Тудор, Дудниченко Николае Ион, Константинов Богдан-Тудор Паул-Рэзван, 2025